

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1.ОСОБЕННОСТИ ЛИРИКИ ПОЭТОВ ФРОНТОВОГО ПОКОЛЕНИЯ.....	4
1.1 Михаил Дудин: «Меня поэтом сделала война».....	4
1.2 Фронтовая лирика Сергея Орлова.....	9
1.3 Идеино-художественное своеобразие лирики Б.А.Слуцкого.....	16
Заключение.....	20
Список использованной литературы.....	21

ВВЕДЕНИЕ

С каждым годом мы все дальше и дальше уходим от военной поры. Все меньше становится очевидцев Великой Отечественной войны, из уст которых мы и будущие поколения могут услышать правду о тех грозных событиях. Но мы должны понимать, что живы как нация, пока жива наша память, пока мы хотим, чтобы наша память была жива. Наш долг – сохранить и передать память о том времени, о тех, кто ковал победу, об их стойкости, мужестве и беззаветной любви к своему Отечеству следующим поколениям. И главное - не только помнить, но и быть достойными их подвига, не допустить повторения войны. Именно об этом мечтали бойцы Великой Отечественной войны. Именно об этом говорит вся литература военных лет.

Один из узловых моментов – отношение поэтов к прозе жизни в самом широком понимании слова. На фронте – к фронтовому быту, испытаниям огнем, холодом, железом. Пытке бессонницей, усталостью, окопной грязию.

В мирное время – к ежедневному быту, к работе и семейным заботам, к дому, вещам, сослуживцам, соседям, ко всему тому, чем заполнен день обыкновенного человека от пробуждения до сна, от понедельника до субботы.

Годы Великой Отечественной войны поэзия сыграла важную роль в той неимоверно жертвенной, исполненной трагизма и героики освободительной борьбе, которую народ вел против фашизма. Поэты открыли тогда немало действенных форм участия в этой борьбе.

Поэзия тех лет отмечена тематическим, жанровым и стилевым многообразием. В ней представлены различные жанры и формы агитационно-массового и лирического творчества. Наряду с поэтической публицистикой, стихотворными очерками, получившими большое распространение прежде всего в начальный период войны, интенсивно развивались разнообразные формы массовой песни, лирики, сатиры, баллады и лиро-эпической поэмы. В

эту пору активно работают поэты, выступившие еще в 20-е и 30-е гг., приходит и новое пополнение литературных рядов — поэты «военного», или «фронтового», поколения.

1. ОСОБЕННОСТИ ЛИРИКИ ПОЭТОВ ФРОНТОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

1.1 Михаил Дудин: «Меня поэтом сделала война»

20 ноября — 100 лет со дня рождения известного российского поэта, солдата, ленинградца Михаила Александровича Дудина (1916-1993), одного из наиболее талантливых и многогранных деятелей современной русской поэзии. Свою славу он обрел в военные годы, но и сегодня его стихи тревожат сердца поклонников поэзии. «Явление Михаила Дудина заслуживает того, чтобы понять его общую значимость», - так сказал о нем писатель Даниил Гранин. Имя его хорошо известно даже тем, кто никогда не держал в руках сборников его стихов. Его узнают по одной-двум строчкам: «О мертвых мы поговорим потом...», «Наши песни спеты на войне...» Песни на его стихи и по сей день звучат в эфире: «Снегири», «Баллада о мальчике», «Солдатская песня». Если бы Дудин был автором единственного стихотворения «Соловьи», он навсегда бы остался в истории отечественной поэзии. Но ему суждена была долгая жизнь, он выпустил десятки книг стихов о родной земле, о войне и мире, о любви и нежности, о радости и печали, о славе и позоре, о совести и чувстве долга... «В поэзии всегда есть некое таинство. Стихи неизвестно откуда возникают, ведут свою жизнь, радуя и печалая людей, уходят в историю, иным из них суждена вечность. Может быть, поэтому не бывает легких судеб у поэтов...», - так говорил Михаил Дудин. К нему самому это относится в полной мере. В наше время клеймо «советский поэт» многими воспринимается со знаком минус. Его прилепляли сгоряча ко многим замечательным поэтам, которые либо просто не желали спорить с режимом, либо искренне веровали в его идеалы. Дудин не был функционером, он оставался честным, добрым и совестливым человеком с горячим сердцем, гораздо более глубоким и парадоксальным, чем требовало его время и чем его пытались представить. Сколько хорошего он успел сделать за свою жизнь!

В 1939 году Михаила Дудина призывают в Красную Армию, он попадает в полковую школу младших командиров – курсантом пулеметного взвода. Дудина сослуживцы любили – он знал много стихов и читал их на память в свободные часы. Особенно Маяковского. «Для меня служба в армии, — писал он, — была не только военной, но и жизненной школой... школой литературной, школой поэтической». В полковой школе в свободное от занятий время курсант Михаил Дудин писал стихи. Однажды в длинные коридоры казармы ворвались звуки трубы: тревога! Через несколько минут вся полковая школа стояла в строю. Командир полка объявил: «В условиях напряжённой международной обстановки Советский Союз не хотел, чтобы наш северо-западный сосед, Финляндия, стал плацдармом для развязывания войны. Буржуазному финскому правительству было предложено заключить мирный договор. Оно объявило нам войну. В трудный для Родины час добровольно желающие грудью встать на защиту нашей страны — двадцать шагов вперёд!» И курсант Михаил Дудин - тощий и высокий, опережая товарищей, размашисто шагнул вперёд. Короткая война на северо-западе от Ленинграда — «финская кампания» — была суровой, жестокой. В повести «Где наша не пропадала» Дудин напишет и о лютых морозах той зимы, и о коварстве врага, и о погибших товарищах. С первых дней советско-финской войны он на фронте, проходит службу в гарнизоне полуострова Гангут (русское название полуострова Ханко). Там создавалась военно-морская база. Задача ее состояла в том, чтобы вместе с нашими гарнизонами на островах Эзель и Даго не допустить вражеские корабли в Финский залив – к Ленинграду. В марте 1940 года была сформирована 83-я отдельная стрелковая бригада и направлена на Ханко для защиты полуострова с суши. Дудин оказался в 335-м стрелковом полку этой бригады, в конном взводе разведки полковой батареи. Уже на фронте он получает несколько экземпляров своего первого поэтического сборника «Ливень», вышедшего в Ивановском издательстве. Дудин мужественно выдержал тяжелые бои на Карельском

перешейке, морозы, походы в разведку, был награжден очень чтимой медалью «За отвагу».

Точкой отсчета своего поэтического пути Дудин по праву считает тетрадь стихотворений «Жёсткий снег», написанную зимой 1939-1940 гг. Эти стихи выбрал из потока редакционной почты и опубликовал в первых номерах «Звезды» за 1941 год Николай Семёнович Тихонов: еще несовершенные поэтически, но обожженные огнем тяжелых боев на Карельском перешейке, они привлекали подлинностью. Время показало, что Н. С. Тихонов не ошибся в выборе. А для Дудина было особенно радостно, что его крестным отцом в литературе стал поэт, наиболее любимый с отрочества. Теперь автор «Орды» и «Браги» как бы передавал по эстафете молодому собрату тему солдатского мужества и героизма. Сам Дудин писал: «Поэтом меня сделала армия. Она заставила меня быть поэтом, переориентировала и проявила мою судьбу, наполнив её смыслом».

Июнь 1942-го. Дудина вызвал редактор: «Через два дня ровно год, как началась война. Приказываю написать стихи!» В редакции говорили: «Приказываю написать заметку...», «Приказываю написать очерк...», но никогда: «Приказываю написать стихи», потому что знали: настоящие лирические стихи пишутся не по приказу, а по вдохновению. И если редактор решился на такие слова, значит, верит, что вдохновение поэта откликнется на чувства окружающих. Михаил Александрович писал о том, что их общий товарищ и земляк, поэт Николай Майоров, погиб в боях под Москвой... Стихи, которые он напишет, не будут стихами о весне, они будут о тех, кто погиб во имя жизни! Первая строка написалась сразу: «О мёртвых мы поговорим потом...» «Соловьи» - одно из лучших стихотворений в русской поэзии, посвященных теме Великой Отечественной войны. Дошло свидетельство о том, как оно было воспринято солдатами, находящимися на переднем крае, такими же защитниками Родины, как умирающий герой стихотворения, как его товарищ: «Я познакомился со стихами М.Дудина на крохотном бугорке, возвышавшемся среди Синявинских болот. Какой-то шутник назвал этот

бугорок на торфяном поле «островом Святой Елены». Сюда можно было пробраться лишь поздней ночью, когда небо серело и немцы не могли вести прицельный огонь. Мы лежали в неглубоком, по колено, окопе. Со всех сторон нас осаждали несметные стаи комаров, и, пренебрегая запретом, солдаты почти не выпускали изо рта длинные, как патроны для противотанковых ружей, махорочные сигарки в палец толщиной. В одной из газет, предназначенных для изготовления этих сигарок, я и увидел Дудинских «Соловьёв».

Трудно передать ощущение от первого прочтения их. Стихи не просто взволновали. Они сразу же сделали автора нашим другом. Мы нисколько не сомневались в том, что стихи сочинил наш однополчанин, ибо такое и так мог написать лишь человек с переднего края». Это стихотворение часто печаталось в различных сборниках и антологиях (стихотворение читайте далее).

В редакции на Невском, 2, Дудин работал и жил, трудился вместе с сатириком Б. Флинттом, художником Б. Леоновым. С первых месяцев возвращения Даниила Гранина в Ленинград Дудин опекал младшего по годам, званию и литературному опыту фронтовика. В годы войны родилась и окрепла дружба Михаила Дудина с Сергеем Орловым, Алексеем Недогоновым, Сергеем Наровчатовым, Михаилом Лукониным, Александром Межировым и Марком Максимовым... С необычайной сердечностью говоря о своих друзьях, поэт Дудин утверждает, что и он сам, и его товарищи становились поэтами вопреки войне, утверждая жизнь. Совсем недолго длилась дружба двух поэтов-фронтовиков, Михаила Дудина и Георгия Суворова. Познакомились они в 1943-м. Виделись почти каждый раз, когда по служебным надобностям Георгий оказывался в Ленинграде. Дудин знал, что новый его друг — человек необыкновенной отваги. В начале войны он воевал под Москвой, в знаменитой Панфиловской дивизии. Во время атаки противопехотная мина попала ему в грудь и застряла между ребер. Застряла и не разорвалась. Раздумывать было некогда — Георгий рванул мину и отбросил её в сторону. Знал Дудин и то, что Георгий родом из Сибири, из Хакасии, но поговорить о его жизни подробнее времени не было. В середине февраля 1944 года Суворов снова появился в

Ленинграде. Дудин пригласил его в филармонию. По дороге читали стихи. Сразу после концерта Суворов отправился под Нарву, в свой взвод противотанковых ружей. Телефонограмма пришла через день: «Суворов погиб. Его полевая сумка в редакции...». «Последний раз я видел Георгия 9 или 10 февраля 1944 года, — отмечал Дудин после войны, — он приехал из-под Нарвы, разгоряченный успехами нашего наступления. Глаза его горели радостью победы. Командир взвода противотанковых ружей, он читал стихи, пахнувшие ветром и дымом, исполненные верой в чудо победы... Он погиб на переправе через Нарву...»

В полевой сумке лежали самодельные тетради, в которых были записаны стихи. Среди них — незнакомое: «Ещё утрами чёрный дым клубится над развороченным твоим жильём...» И дальше: «Свой добрый век мы прожили, как люди, и для людей» ... Михаил Александрович решил собрать стихи друга и издать их. Вскоре книга Георгия Суворова «Слово солдата» с предисловием Михаила Дудина вышла в свет.

В 1972 году М.А.Дудин удостоен звания лауреата Государственной премии РСФСР им. М.Горького за книгу стихов «Время», в 1981 году – звания лауреата Государственной премии СССР за циклы стихов «Седое сердце», «Дерево для аиста», «Полярный круг», «Западный берег», «Забытая тетрадь», в 1976 году - звания Героя Социалистического Труда. Дудин награжден золотой медалью им. А.Фадеева (1978), двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Дружбы народов (1984), Октябрьской Революции (1986), медалями.

Михаил Александрович много внимания уделял произведениям для детей, переводил стихотворения советских и зарубежных поэтов, писал стихотворения, очерки, либретто, рецензии, киносценарии, воспоминания.

Выходили сборники: «Считайте меня коммунистом» (1950), «Родник», (1952); Сосны и ветер (1957), «Мосты. Стихи из Европы» (1958), «До востребования» (1963). В 1970-е много и успешно работает, выпуская сборники стихотворений довольно регулярно: «Татарник», «Поэмы»,

«Рубежи», «Клубок» и др. В 1986 публикует книгу стихов и поэм «Песни моему времени». «Книга лирики» (1986) — его основная книга, где и поэмы — части, звенья лирического монолога.

Прекрасное, подчеркивал поэт, рождается на перекрестке культур. Дудин много послужил сближению разных народов, культур, литератур как переводчик. О высокой роли переводческой работы Дудин говорил: «...в наше время, когда происходит естественный процесс общения народов, культур, очень важно каждому советскому поэту в силу своих способностей, ответственности пред временем заниматься переводом».

С 1994 года ежегодно в Фурмановском муниципальном районе проводится песенно-поэтический фестиваль «Сей зерно», посвященный памяти М. Дудина, конкурсы чтецов, в которых участвуют и дети, и молодёжь, и зрелые люди весьма преклонного возраста. Есть областная Дудинская премия за изучение наследия поэта. В 2009 году эта премия впервые была вручена и в номинации поэтическое творчество. А лауреатом её стал ивановский поэт-фронтовик Владимир Догадаев.

В сентябре 2009 года в Ивановском госуниверситете был открыт музейный кабинет М.А. Дудина. С 1996 года при Широковской библиотеке Фурмановского района работает общественный музей М.А.Дудина. В нем собраны уникальные фотографии, книги, вещи, связанные с жизнью и деятельностью поэта. Имя М.А. Дудина носят школа и библиотека в селе Широково. А в год 60-летия Победы в Санкт-Петербурге на доме №8 по улице Посадской, где он жил, была установлена мемориальная доска. В июне 2012 года в Выборгском районе Санкт-Петербурга, возле станции метро «Парнас», в районе новостроек «Северная долина» состоялось торжественное открытие улицы Михаила Дудина, на которой 20 ноября того же года была торжественно открыта памятная доска в честь поэта.

1.2 Фронтовая лирика Сергея Орлова

Один из них — Сергей Сергеевич Орлов (1921—1977), русский поэт-танкист. Он «был символом своего поколения, огненной заглавной буквой книги о его судьбе», — пишет Николай Шундик. Мнение — это обязывающее, но бесспорно подтвержденное многими фронтовиками. А значит, и личность Сергея Орлова, воплотившаяся в его стихах, достойна самого пристального и уважительного внимания.

Фронтальная страница жизненного пути Сергея Орлова почти легендарна, и творимой легендой прорисовывается судьба его стихов военной поры...

Как и многие, двадцатилетний студент-филолог добровольцем уходит на фронт.

По следам горячих событий складывается стихотворение «Октябрь 1941 года». В нем С. Орлов выражает уверенность в своем предназначении: «Когда-нибудь я расскажу об этом, о времени жестоком, о войне». Конечно же, свой личный удел не дано знать никому, но «пусть я миную смертные тенета», — высказывает свою надежду молодой поэт. Он готов принять во имя Родины и смертный исход, но верит, верит, что через года «придут другие люди, легка им будет молодая жизнь», но и они будут обязаны знать и помнить о жертвах поколения сороковых: «Да будет проклят тот, кто позабудет, что нашей кровью был залит фашизм!» Конечно, риторика здесь формально не преодолена, но в ней точно выражено умонастроение фронтовиков, целого поколения и его самого, молодого поэта:

А я желаю для себя немного:

Лишь мужества, чтобы идти вперед,

И чтоб дошел по всем путям-дорогам

К далеким дням вот этот мой блокнот.

И он дошел, этот блокнот в мягкой зеленой обложке, сшитый сверху двумя скрепками, заполненный торопливыми строчками, которые писались карандашом. Как обычно, есть в нем запись (при этом дважды повторенная), сообщающая единственно обязательный адрес, адрес матери поэта — Екатерины Яковлевны — город Белозерск...

Молодому человеку, оказавшемуся далеко от отчего края, от своих родных, в непривычных для него суровых условиях так естественно обратиться памятью к недавнему прошлому, уютному, тихому, ласковому. И у Сергея Орлова в первые месяцы войны сложилось немало таких стихотворений, отражающих его настроения, созвучных переживаниям его сверстников на боевых путях.

Вот вспомнилось: «Как на родине?» — и началось стихотворение, и потекло неторопливо, развертывая ленту памяти: «...Осень. В скирдах рожь на полях, по-над золотом просек журавли в облаках...». Еще видится за стихами вдруг загрустивший озорной мальчишка-подросток, которому дано было поэтически видеть мир и облекать свои представления в звонкие, сочные образы. И тут он припомнит, что под валенками «снежок, как капуста, захрустит на ходу».

Но примечательно, что появляются метафоры, рожденные военной обстановкой: «Знамя алой рябины вынес ввысь косогор...». Еще бы, ведь «край любимый в тревоге, слезы в тихом доме» и «дали в рыжем дыму» потонули. И так необходимо складывается концовка, предопределяя едва ли не самый излюбленный на всем пути его творчества поэтический образ С. Орлова: «Как знамена, рябины нас зовут на войну».

Через год снова припомнилась, как, наверное, уже не однажды, та первая военная осень («Осень»).

Крик далеких журавлей ожил в памяти и представилось, как «погреться у костров рябины сошлись избушки деревень». Настроение сливается с обстановкой и в ней находит свое выражение: «Тоска, дожди, туман и слякоть» и даже ветра «как будто мир сошлись оплакать». И это, как нельзя более, соответствует минуте прощания, когда уже встал на путях красноватый эшелон, прощальные платки дымками и «мелькают в глубине вагонов шинели серые, штыки».

Война в ту пору захватила юношу всего целиком и, наверное, казалось, что, кроме непривычных боевых будней, и нет ничего на свете, даже черты

самой войны поначалу не различались. И только, может быть, долго маячил один образ, как ниточка, связывающая с былым, — женщина у переезда, что стоит, «подняв ко рту конец платка», в глазах которой — «благословение и древняя, как мир, тоска». И естественно рождается традиционное для русской поэзии олицетворение:

Ой вы, дороги верстовые
И деревеньки по холмам!
Не ты ли это, мать Россия,
Глядишь вослед своим сынам!

К этому времени Сергей Орлов уже освоился во фронтовой обстановке, побывал в боях, пережил первое ранение. Поздней осенью 1942 года юноша направлен в Челябинск, в танковую школу, отметив свой путь на восток короткими стихами: «Через края сосновых станций, спокойных рек, седых берез невидимую нить пространства мотал локтями паровоз...». О той поре в жизни поэта — немного свидетельств, но одно из них очень интересно.

«В холодном Челябинске, в запасном полку, — ах, какая зима была, как все обледенело! — в сорок первом, сорок втором году увидел я эту книжку с красной фронтовой огненной обложкой цвета пожара. Она и называлась «Фронт» ... Книжка Сергея Орлова, вышедшая тогда в Челябинске...

Мы были где-то рядом, в одной казарме. Может быть, даже на одном этаже, но в разных ротах. Я бы мог застать его там. Я мог бы даже встретить его там — одним из этих солдат в шлеме.

Мы были все одинаковы, в холодных танковых шлемах, в полушубках, у кого они были, в валенках и полушубках, вымазанных в тавоте и газойле.

Когда я приехал, он был еще в полку, но, когда книжка вышла, он уже отправился с маршевой ротой. Кажется, командиром взвода танков».

Так пишет Василий Субботин, немногословно показывая обстановку, в которой проходила учеба будущих танкистов. Примечательно здесь, однако, упоминание книги стихов С. Орлова «Фронт», о которой, как правило, никто

не говорит в статьях о творчестве поэта, и первой его книгой считается «Третья скорость». Как же так?..

А книга «Фронт», действительно, была, и подготовили ее для издания в Челябинске вдвоем поэт-дальневосточник С. Тельканов и С. Орлов. Вышла она в 1942 году в «Челябгизе» тиражом десять тысяч экземпляров, крохотная, на двадцати четырех страницах. Конечно, теперь она уже — библиографическая редкость, и удивительно ли, что в связи с 1942 годом и этой книжкой Субботин упоминает стихотворение «Его зарыли в шар земной...», которое сам Орлов в прижизненных изданиях отмечал датой «июнь 1944». Здесь, видимо, произошла у Субботина своего рода абберрация памяти, впрочем, вполне простительная и объяснимая. Не исключено также, что и Сергей Орлов той своей книжки просто не видел...

И вот молодой танкист-поэт снова под Ленинградом, на Волховском фронте. Начинается жизнь «от атаки до атаки», в которой танкисты, люди в ребристых кирзовых шлемах и черных комбинезонах, накрепко связаны круговой поручкой любви к Родине и ненависти к врагу. Иначе — не выжить. Дорог здесь мало, кругом болота, знаменитые Синявинские болота, танки проваливаются то в хляби непролазные, то в воронки... Грохот стоит в танке, от дыма и пороховой гари друг друга не видно, но есть уверенность — фронтовые побратимы рядом.

Молодой танкист-лейтенант жил общими для всех воинскими заботами, лишь одно отличало его: он не расставался с толстой ученической тетрадью, в которую мало-помалу записывались стихи, — но и эти стихи скоро стали общим достоянием однополчан. Будучи корреспондентом армейской газеты, на Волховском фронте с Орловым познакомился Дмитрий Хренков. Он вспоминает:

«Небольшая рощица, вдоль и поперек исхлестанная артиллерийским огнем, просматривалась насквозь. Голые, с сорванными верхушками деревья напоминали театральные декорации.

Командиров танков мы не застали на месте. Вместе с механиками-водителями в эти короткие часы, оставшиеся до боя, они ползали по переднему краю, высматривали дорогу, по которой завтра предстояло повести машины...».

Утром танкисты пошли в бой, а вечером хоронили погибших товарищей, — Сергея Орлова Дмитрий Хренков встретил только на другой день утром. Танкисты снова готовили машины к выходу на исходные позиции, и все-таки корреспондент увидел командира танка, его «простое открытое лицо русского паренька, перепачканное то ли маслом, то ли сажой, с широким лбом, на котором прикипела прядь светлых, чуть с рыжинкой волос». Тогда же Хренков услышал впервые стихи Орлова: «Мы ребят хоронили в вечерний час...» («Карбусель»), — стихи о не отболевшем, о вчерашнем.

Они и рождались, стихи поэта-танкиста, в обжигающей близости с огнем и смертью, в трагических буднях войны, — потому они и вызывали живейший интерес фронтовых друзей. Но молодой поэт обладал и недюжинным талантом, — это одним из первых оценил сотрудник армейской газеты, известный в Ленинграде критик Л. И. Левин. Талант, доставшийся скромному и совестливому пареньку с Белозерья, обладающему солдатским мужеством и выдержкой, брошенный в гущу фронтовой жизни, — он должен был отчеканить неумирающие строки, должен был!

Уже тогда стихи молодого танкиста обращают на себя внимание. Как-то встретились фронтовики с гостями, поэтами из Ленинграда, и один из них, поэт Александр Прокофьев (в ту пору — подполковник) рассказывал:

— Вчера мы заезжали в один тяжелый танковый полк. Народ там — молодец к молодцу. Биты и стреляны. Видели мы там одного лейтенанта, розовощекого, застенчивого и в высшей степени интеллигентного. В мирное время такой человек мухи не обидит... Удивительно, как меняется человек на войне! Поразил нас этот лейтенантик и своими стихами. Талантливые, душевные, очень искренние. Дай бог ему выжить — он может хорошо рассказать об этой трудной войне...

О встрече двух поэтов, пока не известного и уже знаменитого, позже ставших близкими, писал Иван Курчавов, припоминая и другой, весьма примечательный эпизод. Беспокоясь за жизнь поэта Орлова, друзья хотели устроить его в редакцию армейской газеты, — там все-таки меньше опасности. «Ходатая строго отчитал командующий бронетанковыми войсками.

— Как вы можете об этом даже заикаться! — вскипел генерал. — Лейтенант командует взводом тяжелых танков «КВ» в полку РГК— кто же отдаст его вам накануне крупной наступательной операции! Да и пожелает ли он сменить свою машину на ваш скрипучий письменный стол?».

И сам Сергей Орлов, наверное, считал так же. Во всяком случае, он всю войну провел на переднем крае и не оставил боевой машины, а стихами писал об этом так:

Хочу, чтобы меня вело
По всем высотам вдохновенья
Мое прямое ремесло —
Танкиста и бойца уменье.

Нет, не случайно во фронтовом блокноте соседствуют стихи и на его последней странице — схема основных узлов и систем управления танком. На ней отмечены приборная доска и рация, и слова написаны: стартерный аккумулятор, прицел, тумблер, вариометр, — слова, за которыми и кроется «танкиста и бойца уменье...»

Уменье это не раз выручало поэта-танкиста. В большом наступлении у Синявина танковый полк нес большие потери. Машина, которой командовал Сергей Орлов, тоже была подбита и остановилась на виду позиций врага. Не имея связи с полком, танкисты как могли вели ремонт, две недели, не вылезая из танка. Наконец развернулись и «на прощание» успели ударить по врагу. А когда отыскивали свою часть, узнали, что их и в живых уже не числят...

Другой случай, о котором тоже рассказывает Иван Курчавов, знавший Орлова на фронте и позже встречавшийся с ним, оказался драматичнее. Шли бои под Новгородом, совместными усилиями танков и пехоты была захвачена

деревня Гора, открывавшая возможность блокировать железную дорогу. Танк Орлова, избегая прицельного огня, неожиданно атакует врага в лоб. Препятствий нет, но впереди снежная крепость, где укрылись фашисты, а в стороне солдаты в маскхалатах пушку волокут.

«— Сгубила меня, можно сказать, интеллигентская осторожность, — с улыбкой говорит Сергей. — Мне показалось, что это наши... Ударю из танка, а вдруг у пушки — свои ребята. Не лучше ли подождать?.. «Свои ребята» ударили по танку прямой наводкой. Я получил сразу три ранения: в руку, ногу и в грудь. Последний осколок шел прямо в сердце, но помешала... медаль «За оборону Ленинграда». Комсомольский билет был пробит, медаль изуродована, но осколок потерял свою силу и застрял между гимнастеркой и грудью. В танке произошел взрыв, машина загорелась. Мы через борт скатились в рыхлый снег. У меня начался световой шок, и я подумал уже, что ослеп навсегда: день солнечный, яркий, а я ничего не вижу. Обгорелая кожа свисала с лица клочьями, веки слиплись. А фашисты бьют, бьют, не давая возможности поднять голову. Ползу по следу гусеницы и мало что соображаю. На мое счастье рядом оказалась девчушка из пехоты...»

Позже, в 1947 году Василий Субботин встретил Сергея Орлова в Москве. Он припоминает: «С каким недоумением иной раз, как удивленно, покачивая головой, смотрит он на свои сожженные, изуродованные руки.

«Мать честная! Как же это?!»

Я всегда вижу его в одной позе, всегда вижу его так. Танкист, ни разу не написавший в своих стихах, что он горел в танке»¹.

И все-таки стихи об этом Сергей Орлов написал тогда же, в 1943 году, только узнали мы их лишь недавно.

1.3. Идеино-художественное своеобразие лирики Б.А.Слуцкого

Слуцкий Борис Абрамович (1919-1986). Родился 7 мая в городе Славянске (Донбасс) в семье служащего. Учился в Харькове. С 1937 года

переехал в Москву, изучал юриспруденцию. В 1941 году окончил Литературный институт им. М. Горького, выпустил первый сборник стихов. Начал войну в 1941 году солдатом, закончил инструктором политотдела армии (член КПСС с 1943 года). Вновь стал печататься в 1953 году, а в 1957 году у Слуцкого вышла первая книга стихов «Память», за которой последовали «Время» (1959), «Сегодня и вчера» (1961), «Работа» (1964), «Современные истории» (1969), «Годовая стрелка» (1971), «Доброта дня» (1973), «Продленный полдень» (1975), «Неоконченные споры» (1978) и «Строки» (1984). Переводит с языков народов СССР и зарубежных стран (польский, немецкий, английский), выступает с литературно-критическими статьями и рецензиями.

У Бориса Слуцкого есть очень грустное стихотворение «Уже не любят слушать про войну...». У него было полное право бросить этот упрек молодому поколению: ведь Слуцкий был участником Великой Отечественной Войны. В 1944 году под Белградом поэт был ранен в голову в тот момент, когда он на немецком языке выкрикивал в рупор слова ультиматума, обращенного к немецким солдатам. После ранения он стал военным следователем дивизионной прокуратуры. Воевал в Австрии, в Венгрии. В Румынии рана вновь дала о себе знать. Слуцкому дважды делали трепанацию черепа, и более двух лет он провел в госпиталях. После этого болезнь долгое время напоминала о себе болями и бессонницей. Но главное - память. Она не дает покоя всякому, кто прошел через войну. Стихи Слуцкого о войне не должны никого оставить равнодушными.

Стихи Слуцкого о войне необычны. Поэт словно не замечает масштабности происходящего. Его внимание сосредоточено на каких-то деталях, лишь дорисовывающих, дополняющих картину страшной войны. Правдивое повествование о войне Слуцкого особенно дорого, потому что написано участником и свидетелем Второй мировой. Многие стихи написаны по прошествии лет – это позволило осмыслить прошедшее и по-новому

оценить его. Это оценка мудрого человека, близко видевшего смерть и знающего цену жизни. Война стала не частью его судьбы, а всей его судьбой.

Поразительно, но в стихах Слуцкого о войне нет упоминаний о героизме, победах, родине. Скорее наоборот. Может быть, потому, что это разумелось само собой. Как написал поэт в стихотворении «Солдатские разговоры»:

А родину не вспоминают

Она и так вонзилась в душу.

О военных стихах Слуцкого писали больше всего. Писали об их бесстрашной правдивости, бытовой достоверности, жестокости.

Один из последних и самых авторитетных отзывов принадлежит Константину Симонову: «И о войне, и о послевоенном времени Слуцкий написал много таких стихов, читая которые сплошь и рядом кажется: вот это ты хотел написать сам, но не написал, а вот об этом думал так же, как он, но у тебя твоя мысль не перешла в стихи, а у него перешла»

Смысл большинства отзывов – Слуцкий написал новую страницу о войне. Но есть тут одна неувязка. Появилась первая книга Слуцкого («Память») в 1957 году. К тому времени вышли десятки книг поэтов предвоенного и военного поколения – С. Гудзенко, М. Дудина, С. Орлова, А. Межирова, Е. Винокурова...

На фоне широко распространившейся унылой гладкописи, благостной казенщины, бодряческого равнодушия «Памятник» особенно резко бросался в глаза. Он заставлял вспомнить те лучшие стихи первых послевоенных месяцев, которые потом не имели продолжения. Сразу же приходили на ум «Его зарыли в шар земной...» Сергея Орлова, «Надпись на камне» Семена Гудзенко, «Упал и замер паренек...» Юлии Друниной. Цель у Слуцкого в «Памятнике» была та же – увековечить павших за Родину, но шел он своим путем. Прежде всего, он хотел, чтобы его героя увидели в том роковом для него бою, в последние минуты жизни. Картиной боя начинается стихотворение:

Дивизия лезла на гребень горы

По мерзлomu, мертвому, мокрому камню...

Все происходило так (и разговорное «лезла» и описание камня, который только и видит прижимающийся к земле пехотинец), как обычно бывало в трудном бою. И солдат, которому на вершине теперь сооружен памятник, не водрузил там, как этого требуют романтические каноны, знамени: «И ниже меня остается крутая, не взятая мною в бою высота». Смерть его была мучительной: скульптор, резавший из гранита памятник, - здесь пронизывающая стихотворение внутренняя полемика с эстетикой прилаженности выходит на поверхность, идет уже почти впрямую, - «гримасу лица, искаженного криком, расправил, разгладил резцом ножевым».

Стихотворение строится на перемежающихся контрастах, благодаря которым не превращается в риторiku: «Я умер простым, а поднялся великим», живой человек – и гранитный памятник, прах солдата-пехотинца, который «с пылью подножной смешался», - и «пример и маяк» для целых народов. Поразителен ритм «Памятника», соединивший трудное дыхание человека, штурмующего высоту, и величавый покой реквиема, возносящий над всем бранным.

Дело в том, что совсем не бытом, не натурализмом, не физиологией войны, о которой немало говорилось тогда в критике, примечательны стихи Слуцкого. Ближе всех к истине Симонов, заметивший, что он додумал не додуманное, досказал не досказанное, или написал то, что знали многие, но не довели до поэзии.

Слуцкий писал о том же, что и все, опирался на тот же материал. Но писал иначе, заботясь не столько о достоверности деталей и лирической проникновенности, сколько о стройности целых жизненных рядов и несомненности социальных выводов.

Фигура комбата, например, традиционна в военной поэзии. Это – образец строгости, за которой с некоторым удивлением открывались обыкновенные

человеческие качества, странности и даже слабости. Стихотворение Слуцкого «Мой комбат Назаров» как будто вписывается в эту схему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Художественная литература стала хранителем памяти поколений. Более тысячи писателей ушли на фронт. По горячим следам войны создавали свои произведения поэты и прозаики, надевшие военную форму.

Великая Отечественная война – это тяжёлое испытание, выпавшее на долю русского народа. Говорят, что, когда грохочут пушки, молчат музы. Но от первого до последнего дня войны не умолкал голос поэтов. Пушечная канонада не могла заглушить его. И никогда к голосу поэтов так чутко не прислушивались читатели.

В годы Великой Отечественной войны голос советской поэзии был голосом мужества народа, уверенного в неизбежной победе над фашизмом. Война в корне меняла жизнь всей страны и каждого человека в отдельности. Поэзия (разумеется, лучшие вещи) немало сделала для того, чтобы в грозных, катастрофических обстоятельствах пробудить у людей чувство ответственности, понимание того, что от них, от каждого, именно от него – ни от кого другого, ни на кого нельзя переложить ответственность – зависит судьба народа и страны.

Стихотворения о Великой Отечественной войне, рассказывая о грозных, трагических событиях, заставляют нас понять, какой дорогой ценой была

завоевана победа. Они учат добру, человечности, справедливости. Книги о войне — это нерукотворный памятник советским воинам, в жестокой схватке с врагом, победившим фашизм.

Любовь к Отечеству и ненависть к врагу – это тот неиссякаемый и единственный источник, из которого черпала в годы Великой Отечественной войны свое вдохновение наша лирика.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Советская литература: Справочные материалы. Москва «Просвещение», 2019 г.
2. В сб.: Друзья-однополчане: о песнях, рожденных войной. — М., 2015. С. 55.
3. Литературное наследство. Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. Москва, «Наука», 2016 г.
4. Михаил Дудин. Берегите Землю, берегите! Ленинград, “Детская литература”, 2015 г.
5. Песня Победы. Стихотворения. Издательство “Детская Литература”, 2018 г.
6. Поэзия в Великой Отечественной войне - Литература. www.otvyna.ru/poezia.htm.
7. Свирский Г. Ц. На лобном месте: Литература нравственного сопротивления: 2017-2018. 2-е изд., доп. - М., 1998. С. 480.
8. Сергей Алексеев. Великие битвы Великой Отечественной. Сталинградское сражение 1942–1943. Рассказы для детей. Москва, “Детская литература”, 2017 г.
9. Сурков А. Творческий отчет на заседании Военной комиссии СП 12

- июля 1943 г. // Литературное наследство. Т. 78. Кн. 1. Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. — М., 2016. С. 335.
- 10 Тихонов Н. Перед новым подъемом: Советская литература в 1944—45 гг. — М., С. 48, 2018.